

Срок командировки истекал, дальше ждать мы не могли и вызвали по рации катер. Из-за мелко-воды он подошёл только к вечеру. Пока грузились, рискуя порезать бродни о береговую кромку льда, из-за сопки чуть не на плечи нам осела свинцовая туча. Повеяло холодом и запахом снега. Быстрой, быстрее: снасти, оружие, рыба.

— Ну всё, от винта!

— Стой! Где Феоктистыч?

— За куропатками погнался.

— ... твою мать.

Крупные, как бабочки, снежинки, не касаясь земли, закружили в танце.

Даже некурящие затянулись, поглядывая то на небо, то на сопку, откуда раздавались щелчки.

— Попал бы уж да угомонился,— нарушил тягостную тишину «принц» Артур.— Они ведь как? Только на выстрел подкрадётся—дальше перелетят. В азарте до темноты гонять будет. Ещё заблудится.

— А ничё, что полярная куропатка в Красной книге?—обозначил своё присутствие мрачный моторист с землистым лицом, будто жизнь провёл на махорке и перловой каше.

Виктор зыркнул на него, но не успел ответить: со склона катился толстяк Феоктистыч, волоча за голову курицу.

— Заводи свою балалайку!—сорвал-таки раздражение Виктор.

— А смысл? Впотьмах порог не пройти.

— Заводи! На утро вертолёт заказан.

— Подождёт.

— Ты знаешь, сколько час ожидания стоит?

— Контора оплатит,—пробурчал под нос моторист.

— Будешь гундеть—остаток жизни в кочегарке проведёшь.

— Не привыкать, я рабочий человек,—побледнел моторист и выплунул в воду окуроч, — яйца в креслах не парил...

Пришлось их разводить. Понимали, отчего Виктор нервничает. Официально мы прилетели в Красноярск с ревизией его ведомства. Он обещал нам охоту на оленя. Прождали неделю, а ни одного не видели. Обидно.

Между тем прелюдия к снегопаду закончилась, и так запуржило, что дальше трёх метров не стало видно ни зги. Для смены цветных декораций

на белые хватило полчаса. Пришлось снова ставить шатёр.

К ночи ещё похолодало, и мы жались друг к другу, чтобы хоть немного вздремнуть. Виктор всё не мог успокоиться:

— Не, ну правда, разве с таким быдлом будет у нас когда порядок?..

— Да успокойся!—перебил его Иван Феоктистович.— В контору твою не поедем, сразу в аэропорт. Позвонишь, чтоб акты на подпись подвезли.

Все притихли, а кто-то и засопел.

Вдруг «принц» (он называл себя потомком древнего эвенкийского княжеского рода) приподнялся и прислушался.

— Пошёл!

— Куда?

— Да не я, олень пошёл!

Выкарабкавшись из палатки я подумал, что потерял ориентацию: с вечера река была справа, а сейчас оказалась слева. Странная какая-то, вся из голубых светящихся ленточек. Так сливались в лунном свете глаза бесконечного стада. Да ещё хрустели сухим хворостом рога, цепляясь друг за друга.

Северный олень низкорослый, поэтому стреляли с пояса, не целясь. Я боялся, что в какой-то момент они разозлятся, повернут свой поток в нашу сторону и растопчут, порвут рогами. Это им ничего бы не стоило, но они бежали мимо, не в силах нарушить зова предков и природы. Когда голубая река растаяла, в ушах звенело от канонады. Предстояло самое трудное.

— Надо сразу ошкурить. Когда окоченеют—замемя,—распорядился Артур.

И мы всю ночь работали, грея мокрые липкие руки между кожей и тёплой плотью животных.

К утру шатало от усталости. И всё равно больше половины неосвежёванных туш пришлось оставить. Снегом мыли руки и лица, оставляя после себя кровавые пятна.

Моторист возмущался, когда грузили на борт добычу:

— Вы чё делаете?! Я порожняком-то за дно цеплял!

И в ярости начал было скидывать туши в воду, но Виктор как бы невзначай приподнял ствол:

— А ты аккуратней, стремнины держись.

Моторист скрипел чёрными зубами и беззвучно матерился. Из-под бушлата его выглядывал чёрно-белый тельник.

Катер, ломая намёрзшую кромку льда, погрузился в воду по самые фальшборта. Мотор, прогреваясь, давно работал.

— Ну, с Богом!

Выпив по кругу из фляги, мы сгрудились на палубе под парусиновым тентом. Несмотря на холод, сразу развезло. У моего соседа из носа повисла капля.

Я очнулся от толчка и скрежета в днище. Судно быстро уходило под воду. Я даже испугаться не успел, как оказался в ледяной купели. Товарищи мои барахтались недолго, меховые куртки их намокли и потянули ко дну. Не сразу понял: почему я-то ещё плыву? Это красный пуховик вздулся пузырьём на спине, и меня поплавком понесло обратно. Свободной ото льда оставалась только стремнина. В попытках прибиться к берегу я изрезал в кровь окоченевшие руки и лицо и уже представил, как окоченевший труп мой вынесет в Енисей, а там и в Ледовитый океан. Вот место нашей стоянки, где лёд был отбит поутру. Пока я барахтался, пузырь надо мной сдулся и всей тяжестью мокрой одежды меня потянуло ко дну, которого я коснулся ногами, едва голова ушла под воду. Отталкиваясь от него, чтобы хватить воздуха, и подгребая руками, я достиг берега, как раз там, где недавно стоял катер. Секунду—и меня утащило бы под кромку льда, если бы не уцепился за свисающий ивняк. Только тут я в полной мере прочувствовал мощь воды, перехлёстывавшей через мои плечи и бившей в лицо. Разожми я тогда руки, никогда б не писать им этих строк.

Но повезло, выкарабкался. И тут же отключился. Очнувшись от холода, хотел встать, но одежда застыла панцирем и примёрзла к камню. Я заплакал от отчаяния. Раскачиваясь, чуть не скатился вместе с камнем обратно в реку. И лишь разбив лёд на шкерах, сумел подняться. Передо мной открылась картина ночного побоища: содранные шкуры с обнажённой сеткой кровеносных сосудов, неосвежёванные олени туши и всюду кровь, просвечивающая через рыхлый снег. Отрубленные рогатые головы. Было жутко и больно смотреть в их грустные, ещё не замутнённые глаза с длинными заиндевевшими ресницами.

Скоро придут волки. Надо уходить, но куда? Походкой терминатора, хрустя скованной льдом одеждой, я пошёл по каменистому берегу. До ближайшего кордона было больше трёхсот километров.

С наступлением темноты я всё чаще стал спотыкаться. Упав лицом в снег, не сразу удивился наступившей тишине: либо я ушёл от реки, единственного моего ориентира, либо она застыла.

Узнать это можно было только утром. Но ждать—означало замёрзнуть. А мне хотелось жить как никогда! И я снова шёл, пока не запнулся об оленины рога. Проклятое место не отпустило! Сидя в позе кучера на оленьей туше, я замерзал и уже не мог тому противиться.

Почувствовав чужое дыхание на лице, открыл глаза и вздрогнул, наткнувшись на взгляд болотно-жёлтых глаз.

— Привет. Жрать хочешь? Вон свеженины сколько, я-то тебе зачем?

Волк по-собачьи склонил вбок голову, шевельнул ушами, потом задрал голову и завыл. Страх не было, он умер во мне. Одна смертельная тоска. Вспомнились слова Артура: «Надо сунуть волку руку в пасть как можно глубже и выдернутьнутренности». А смысл, когда сейчас здесь будет вся стая? Послышался лай. Никогда бы не подумал, что волки умеют лаять...

Следующая картинка из цепи бредовых видений: изба с закопчёнными бревенчатыми стенами, увешанными скарбом. Трещат дрова в раскалённой печке. Я укрыт овчинами. Голоса, плач ребёнка. Спасён! И уже с облегчением снова проваливаюсь в беспомысленность, отдавшись на волю силам, которые взялись побороться за мою жизнь.

На переохлаждения мой организм всегда реагировал пугающим жаром, в котором за день сгорали зловредные вирусы, а заодно и килограммы веса, отчего, поднявшись, я чувствовал себя привидением, а окружающие, за блестящие глаза и бледность, принимали меня за поэта.

Мерещилось, что я весь в липкой крови, среди ошкуренных туш. Молодёнский подранок никак не мог умереть и всё поднимал в мою сторону голову на длинной шее, словно умоляя добить. Из глаз его бусинами кагились слёзы. Мысль, что он—это я, пронзила меня; я очнулся и обнаружил себя закутанным в кислую, мокрую от пота шкуру. Знобило так, что клацали зубы, а дробь, выбиваемая затылком о бревенчатую стену, разбудила хозяйку.

Молодая эвенка или долганка, одетая в длинную сорочку, по которой до поясницы спадали, будто отутюженные, тяжёлые волосы, подойдя неслышно, запустила холодную, как змея, руку мне на грудь и, цокая, покачала головой. Перепеленав меня в сухое, мокрые шкуры развесила над печкой.

— Дышит? — раздался за ширмой сонный голос.

— Мокрый сильно.

— Значит, живой пока,—сказано было без нотки оптимизма.—Туши лампаду.

Погружаясь в сухой, как в сауне, жар, пробравший до печёнок, до мурашек и блаженных

конвульсий, я таял, не в силах умерить сжигавшее изнутри пекло, от которого трещал скальп, до судорог ломило конечности и пылала сухая, как Сахара, слизистая рта.

Большое воображение рисовало картины крематория, топлёное человеческое сало, Каплуна в жёлтых трофейных сапогах и горящее тело хо-рошенького красноармейца Грачёва, чья судьба, чувствовал я, ждёт и меня<sup>1</sup>.

Не в силах вымолвить слова, я шевелил губами, как карась, выброшенный на берег. Жёсткое дыха-ние участилось и перешло в хрип.

Скрип половиц отозвался ворчанием.

— Куда опять? — спросил Каплун.

— Пить подам, — ответил женский голос

— Б\*\*\*ь, ну и ночка! Какая тут на хер работа.

Мне представилось, что его работа в том, чтобы сжигать трупы расстрелянных.

Белое облако проплыло в сени, из которых пова-лили клубы холода. Хрустящие удары и кроваво-красные куски в миске. Решив, что меня хотят заставить есть сырое мясо, я закрутил головой. Тщетно: в рот мне силком втолкнули заморожен-ный кусок. Удивительно, но вкус живительной влаги вернул меня к жизни. Склонившись надо мной, ангел-спаситель в белом макал палец в отта-явший брусничный сок и проводил по моим губам. Я зачмокал им, как младенец соской. Гладкая ладонь скользнула мне под голову и приподняла её. Губ коснулась эмалированная кружка.

— Ещё, — обрёл я дар речи, выталкивая языком на подбородок попавшие в рот глянцевого бруснич-ные листья.

Она снова налила, вместе со льдинками. Струясь по разветвлённым капиллярам, к воспалённому клеткам моим поступала жизнь. Голова, покоясь на прохладной ладошке, перестала трещать, и мысли прояснились. «Если выживу, заберу её».

Когда она вытирала мне влажным полотенцем лицо, из разреза её полотняной ночнушки выпал волчий клык на кожаной верёвочке.

— Спи давай, — подоткнула по бокам сухие овчины и улыбнулась кончиками губ, отчего меня захлест-нул приступ нежности.

Прикосновение её губ ко лбу не показалось невинным.

— Горячий, как головешка.

Как утопающий за соломину, схватил я губами её палец. Непроницаемые чёрные бусины глаз её ожили на миг, и я увидел в них нежность, какой не видел и в глазах своей матери.

Захныкал ребёнок в люльке; она подняла его, дала грудь и замаячила, кланяясь и шаркая чунями. Монотонная колыбельная убаюкала и меня.

Проснулся в оцепенении. Почудился вой, как тогда, на берегу. Жуткий, словно с того света, и манящий. Прислушался: гудела печная труба с порывами ветра. Я расслабился. Через поры мои холодным потом истекал брусничный сок. Опять забило в сыром ознобе. Чтобы не стучали зубы, прикусил губу. Но Рита, так звали хозяйку, словно почуяв, поднялась, снова перепеленала меня, как ребёнка, и подбросила в топку дров.

Фантастические образы, словно из прошлых жизней и «Caprichos» Гойи, сменяли друг друга. И снова этот жуткий, леденящий душу вой.

Вспышка магия, заставила открыть глаза; в лицо упёрся столб белого света. Кто-то в упор рассматривал меня с фонарём.

— Жив ещё, курилка? — буркнул хозяин, закаш-лялся, отхаркиваясь, и направился к углу, где стояло ведро.

После натужных кряхтений по цинку зажур-чала слабая струйка. За ночь это повторилось раза три-четыре.

Лишь под утро, когда обитатели дома засо-бирались, захлопали дверями, выпуская тепло, я провалился в глубокий сон.

Проснулся от тусклого света из окна, выхва-тившего сизый сноп пыли и дыма. Пахло едой. Мрачный дядька во фланелевой рубашке хлебал из миски. Несмотря на меховые онучи и душегрейку, вид его не вязался с обстановкой. Ну точно не эвенк. И вряд ли оленевод. Вытягивая к ложке губы, он чем-то напоминал Раймонда Паулса, когда тот склонялся над клавишами.

— Будешь? — поднёс он миску с тёмно-коричневым бульоном, от одного запаха которого меня чуть не стошнило.

Он поводит ложкой с куском оленьего мяса перед моим лицом, не для того, чтобы разбудить аппетит, а чтобы проверить реакцию.

— Как зовут-то?

— Андрей, — выдохнул я.

Он поморщился от моих хрипов.

— Как угораздило?

— Катер... утонул...

— О как! А остальные?

Я опустил глаза и пожал плечами.

— Ясно. Бог не фраер. Только чего вот Он тебя оставил, а не Федю? Чтоб помучился?

Я отвернулся.

— Так-то лучше, зубами к стенке. А моториста жаль. Какая-никакая связь была с миром. По нынешним временам другого катера не дожидаться. — Как отсюда выбраться?

— Тебе бы с того света сперва выбраться, — утешил он. — Дай послушаю, — припал он ухом к моей груди. — Дыши. Не дыши. Хреново, парень. Всё хрипит, как трубы иерихонские. Не знаю даже...

— Нас должны искать.

— А-а! То-то давеча «вертушка» кружила.

1. Из воспоминаний К. Чуковского о посещении крематория.

— И? — напрягся я.  
— И улетела.  
— Надо факелы!..  
— Какие ещё факеры?  
— Костры! — хрипел я, задыхаясь.  
— Уймись, убогий. Будут тебе скоро и костры, и черти со сковородками.  
— Нас должны искать, — шептал я, — мы... мы...  
— «Мы, Николай Второй», — передразнил он. — Щёки сдуй. Тут все едины, как и там, — приподнял он брови. — Без проводника, небось, шастали?  
— С Артуром.  
— Помилуйте! Принц наследный! Теперь тоже рыб кормит?  
— Собаке — собачья смерть, — отозвалось из другой комнаты.  
— Шакаля, — поправил хозяин. — Зачем собачек обижать?  
— А мне теперь как? — напомнил я о себе.  
— Видно будет, — и крикнул: — Рита, может, ему над картошкой подышать?  
— Ещё дух испустит над чугуном.  
— И так испустит. Скорей бы уж, хоть прикопать от волков, пока земля не совсем промёрзла.  
— Собачий жир надо втирать.  
— Да хоть с бубном пляши.  
— Тьфу тебе, — огрызнулась Рита.  
— Не мне, ему в рот поплюй, как твоя бабка лечила. Помнишь? Ха-ха-ха!

Рита решительно сняла ружьё с гвоздя на стене.  
— Ты чё, шуток не понимаешь? Вот дикий народ.  
— За дикий народ ответишь. Начну с Мальчика.  
Заметив моё беспокойство, муж её снова захотал, показывая на меня пальцем:  
— С этого?  
— Не бойсь, — успокоила она меня. — Кобеля у нас так зовут. В капкан залез, дурак. Всё равно лапа сгниёт.  
— Лучше Тайгу, воеет по ночам, спать не даёт. Того и жди родню приманит.

За окном послышалось глухое рычанье.  
— О, услышала! — удивился Николай. — Всё чувствует, волчке отродье.  
— Молчи, не то глотку перегрызёт, — проворчала Рита и добавила для меня: — Это ведь Тайга тебя нашла.  
— И не тронула ведь, — задумчиво глядя в окно, проговорил хозяин. — Опять повезло. Не всё тонет, однако. Пойду поработаю, интересную мыслишку ты мне подкинул.

Я думал, пойдёт на двор по хозяйству, но он скрылся за ширмой в своей половине.

Несколько дней я балансировал на грани. Выхаживала хозяйка: натирала собачьим жиром, кутала и поила снадобьями. Когда её подолгу не было, мне казалось, что от меня отступились и оставили умирать.

Открывая глаза, иногда видел небритое лицо, склонившееся надо мной, словно проверяя, дышу ли я. Безумием веяло от воспалённых глаз. Дышки, висевшие у него на шее, отбрасывали суженные, как кошачьи глаза, дольки тусклого света, плясавшие на полу. Становилось жутко, будто он прячет за спиной удавку. Но каждый раз, рано или поздно, нянюшка моя появлялась с мороза, и я оживал. Глядясь, как в зеркало, в её круглое белое лицо, я представлял своё измождённое отражение. Однажды она даже всплакнула, утопив в слезах остатки моих сил. Я устал бороться с рвущим душу кашлем, преодолевать слабость и терпеть ужасную ломоту в суставах. Она вскочила на скамеечку и, громыхая жестяными банками и склянками, нашла какой-то корень, отломив кусок зубами и принялась тщательно разжёвывать. Потом склонилась надо мной и втокнула мне языком в рот разжёванное, разбавленное её слюной древесное волокно. Отдававший эстрагоном или коноплей сок был приторно сладким; хотелось выплюнуть, но она прикрыла мой рот ладошкой, которую я невольно лизнул.

— Приляг со мной. Ну пожалуйста!

— От те раз!

— Хоть на минутку, а то умру.

— Вот чума, — вздохнула она и прилегла рядом, подвинув меня бедром.

И — о чудо! — страдания отступили. Более того, стало удивительно хорошо, и я блаженно улыбался, не скрывая счастья.

— Марго, — прошептал я.

— Я Рита, — поправила она.

— Марго лучше.

— Тебя мама как звала?

— Андрюша. Когда маленький — Дюша, — вспомнил я.

— Дюша, — передразнила она, щёлкнув меня по носу.

Ладонь моя проникла под её ночнушку и нежно, как гроздь спелого винограда, сомкнула маленькую, но тугую от молока грудь.

— Руки! — пригрозила она, но не отстранилась.

— Я люблю тебя, — едва ворочал я заплетающимся языком.

— Чё мелешь? Когда успел-то?

— Ангел мой, спаситель! — взял я длинную прядь её мягких, но тяжёлых волос и рассыпал себе на лицо.

— Блезись никак али спутал с кем?

Я помотал головой.

Не помню, сколько длился этот сладкий дурман. Но передышки оказалось достаточно, чтобы продолжить борьбу за жизнь. Марго силой заставила меня проглотить несколько ложек шурпы из собачатины, к удивлению, принятой моим организмом. Впервые поверилось, что буду жить.

Настал час, когда я рискнул выйти во двор. От белого света зажмурился и чихнул; глоток свежего воздуха ударил в голову, опьянив абсолютной чистотой. Кое-как, покачиваясь на вытоптанной тропинке, добрался я до дощатой кабинки с ромбиком щекотки.

На обратный путь сил не хватило, и я рухнул в сугроб. В лицо ткнулся влажный нос.

— Узнала? — потянулся я к волчице, чтобы погладить между ушей, но она, мотнув головой, оскалила нешуточные клыки.

Такого предупреждения мне вполне хватило. Отдернув руку, я просто сказал ей:

— Спасибо.

Она поняла и улыбнулась. Именно улыбнулась, а не оскалилась!

— Куда тебя лешак понёс, доход?! — услышал я голос Марго.

— Это волк или собака?

— Совол.

— Кто?

— Микс. Не понимаешь? Как я: папа русский, мама долганка. Это обновляет кровь.

— Ясно. Скажи, Марго, а как вы связываетесь с людьми?

— Редко.

— Я серьёзно.

— Сбежать хочешь? — улыбнулась она, сверкнув белыми, как снег, зубами.

— Помоги мне, пожалуйста!

— А я что делаю? Выкуп за тебя не прошу. Да уйми ты руки свои шаловливые, дистрофик! А то головой в сугроб воткну!

Николай Мироныч (так хозяин представился мне), словно удивляясь тому, что я ещё живой, стал обращать на меня внимание большее, чем на утварь и другие предметы обихода.

— Москвич никак? — спросил он как-то.

— Поговору видно?

— По нимбу.

Более того, мне показалось, у него проявился ко мне интерес, который, из опыта, я отнёс на счёт будущих просьб помочь чем-нибудь из Москвы.

Он подсел, посмотрел горло, прослушал хрипы в лёгких.

— Да, молодость и воля к жизни творят чудеса. Не скучаешь без телевизора?

Я качнул головой:

— О жизни думаю.

— Ну да, раньше-то некогда было. Только не сильно задумывайся, крышняк съедет.

— Почитать у вас ничего не найдётся?

— Когда дети болеют, им сказки рассказывают.

Он исчез ненадолго на своей половине избы и вернулся оттуда со стопкой исписанных листов.

— Если засыпать начнёшь, скажи.

Как в воду глядел: под выразительное бормотание глаза мои сомкнулись раньше, чем я разобрал его смысл.

Скоро я уже уверенно выходил во двор. Обедать меня усадили за общий, покрытый клеёнкой, стол. Блюда не отличались разнообразием: каша, шурпа, сухари. Кисель из клюквы — единственное, от чего я не отказался.

— Вот такие вот дела, — вытерев губы, сказал Николай, словно подытожив невысказанную историю. — Москва ква-ква. Трудись где или так?

— Работаю, — назвал я своё ведомство.

Он икнул.

— Удачно пристроился! И кем же?

— Да так, по связям с общественностью.

— Не понял. Здесь-то какая, на хер, общественность?

— Просто пострелять приехали с шефом. Его в край с ревизией командировали. Им тут обычно охоту организуют в свободное время. Шеф любит популять.

— Ни хера себе популяли! Полстада положили. Родня никак?

— Ну как-то так, — покрутил я пальцами, не решаясь сразу раскрыть все карты.

— Да ладно, — не стал допытываться Николай. — Как не порадеть? По специальности хоть устроишь? Или тоже «как-то так»? — передразнил он меня.

— Вообще-то я журфак закончил, мгу. Наши люди везде котируются.

Николай посмотрел на меня как на редкую рептилию:

— Бр-р! Москвич, да ещё журналюга, — адская смесь. Ну да, ну да. Болтология теперь в почёте. Как-то уже обозначился в информационном пространстве?

— Разве что на ведомственном сайте. Но там своя специфика.

— А для души?

— Кому это нужно?

— Самому.

— И в голову не приходило. Да и времени нет.

— Зато теперь с избытком.

— Да, хоть дневник начинай.

— Вот этого не надо. А то напишешь там. Я найду чем тебе заняться.

Он открыл банку растворимого кофе, положил себе две ложки и залил кипятком.

— Будешь?

— Нет, спасибо. Лучше ещё киселька, если можно.

— А я привык. Кофеин мозги взбадривает.

Тут уже задумался я: «Зачем ему мозги взбадривать в такой глухомани?»

Глаза Николая оживились, выдавая желание продолжить разговор, который, по правде сказать, начал меня утомлять.

— Что-то голова закружилась, пойду прилягу, — сказал я. — Спасибо за обед.

— На здоровье, — обиделся он.

На другой день, когда я грустно смотрел в маленькое окошко на малиновые переливы утренней и одновременно вечерней зари (полностью солнце уже не показывалось), ко мне подошёл Николай со стопкой ученических тетрадей.

— Медитируешь? — спросил он.

— Второй джан, — ответил я, но он не понял и подал мне несколько ученических тетрадок.

— Ты почитать спрашивал, на вот. Как у тебя со зрением? Ежели темно, могу генератор завести, — удивил он меня своей щедростью.

Выведенный протокольным почерком заголовок на обложке тетради под номером один: «Убийство на станции Клюквенной», — не сказать чтобы сильно меня заинтриговал, но в надежде лучше понять автора, коим, видимо, являлся сам хозяин, я пробежал глазами первые строчки:

«Весна в том году выдалась ненастной, и в первый же солнечный день, выпавший на выходной, всё население районного центра ринулось на свои, с позволения сказать, дачи. Семья Квасцовых только-только поселилась в частном доме с огородом, ехать покудова было некуда, да и не на чем, и, поднятый женой спозаранку, младший лейтенант, орудуя лопатой, к обеду перекопал под картошку и грядки уже больше половины запущенного огорода, когда перед домом его с жутким скрипом затормозила дежурная „канарейка“.

— Коля! За тобой! — крикнула из стайки жена.

— Да понял уже, — воткнул Квасцов в землю лопату и, голый по пояс, в калошах и старых сизых галифе, подвязанных бельевой верёвкой, направился к калитке, за которой бесновался дежурный Михеев. — Б\*\*\*ь, ну нельзя быстрее?! — закричал он, полагая, видимо, что разница в возрасте и две лишние звёздочки на погонах дают ему право так разговаривать с молодым сотрудником.

— Что опять?

— Давай в карету, там объяснят!

— Так-то у меня выходной сегодня.

— Быстро!... твою мать! Аристов порвёт! На станции двойное убийство!

— И чё?

— Знаешь, кого грохнули? Второго секретаря! А знаешь как? К нам уже гэбэшники из области едут, а отдел пустой. Всех объехал — никого! Антипов только, но у него воскресный запой. Так и не смог подняться. Уроды...

— Сейчас, умоюсь, оденусь.

Из рации в „уазике“ прохрипел голос начальника отдела вперемежку с матом.

— Уже едем, товарищ подполковник, — полебезил в микрофон Михеев и потащил за собой Квасцова.

Выскочила из дома жена с кителем и пакетом-маечкой, сквозь который просвечивал пистолет.

— А кобуру?! — крикнул Квасцов, но Михеев, здоровенный детина, не стал дожидаться и запихнул его в машину...»

К удивлению моему, текст не вызывал раздражения; более того, первую тетрадь я проглотил на одном дыхании. На цыпочках, чтобы не мешать, в комнату в шерстяных носках вошёл Мироныч и, словно извиняясь, поднял ладони. Взял с полки банку кофе и так же бесшумно удалился, чтобы не мешать.

Рита занималась во дворе и зашла в дом только раз, чтобы покормить ребёнка. Я что-то спросил у неё, но она ответила односложно и на ходу.

Когда снова появилась её муж, прочитанные мною тетрадки стопочкой лежали на столе.

— Осилили? — перешёл он на «вы».

— Прочёл.

— Ну и как?

— Живенько так. По-настоящему.

— Ну дык. Коль знаешь жизнь, выдумывать не надо.

— В милиции работали?

— Служил. Отчеству.

Мы помолчали, словно осмысливая значимость этого факта биографии. Он первый нарушил паузу: — Так что, читабельно?

— М-м-м... — пошевелил я пальцами. — Если ошибки убрать да просторечьем не злоупотреблять.

Мироныч расправил плечи.

— Поможешь?

— По мере сил.

— А можно будет потом куда-нибудь тиснуть? В смысле, в журнальчик какой?

— У вас много такого? — понял я, куда он клонит.

— Такого, — показал он на тетрадки, — мало. Времени нет. Я сейчас работаю над крупным.

— О чём, если не секрет? — спросил я и понял, что попался.

— Так и быть, дам почитать. Основа уже готова. Осталось мяса нарастить да как-нибудь всё это, — сделал он вращательное движение руками, — аккумуляторно завершить. Чтоб всё вязалось.

— Завершить трудней всего, — многозначительно заметил я, мысленно продумывая свои условия к предстоящей сделке. И добавил с менторским видом: — О чём думали, когда начинали? О славе?

— Да куды там! — отмахнулся он.

— Ладно, посмотрим.

Через несколько дней я уже поправился настолько, что смог помогать по хозяйству: колоть дрова, пилить лёд на реке, который тащил потом до дому на саночках. Лёд вполне можно было привезти и на снегоходе, но, как мне объяснили, бензин надо экономить. А однажды хозяин взял меня с собой на рыбалку. Заключалась она в следующем.

Ещё до ледостава в излучинах, где слабей течение, он воткнул в дно несколько длинных шестов,

соединённых под водой бечевою. Сейчас шести эти наглухо вросли в лёд. Ловко орудуя «Маки-той», Мироныч выпиливал их из льда, а я вылавливал пешней лёдяную шугу из образовавшейся проруби. Привязав с одной стороны к бечёвке сеть, мы вдвоём протянули её под водой до следующего шеста. Всё бы ничего, но при малейшей моей оплошности хозяин орал на меня благим матом. Особенно когда я чуть не утопил тяжёлую пешню.

— ...Твою мать! Тесёмка для чего?! Привязывай к руке, сколько раз повторять? Утопишь — на дно отправлю вылавливать. У меня там уже две штуки, от таких, как ты, раздолбаев.

Я ещё подумал: неужели у меня были предшественники?

Поставив на шести шестах три сети, мы поехали домой. Не знаю, как он, но я промок основательно. Снегоход у него был профессиональный, норвежский. Удивительно, что на ветру при такой езде я снова не простыл.

— Можно порулить? — спросил я на следующий день, когда мы поехали проверять сети.

Он как-то подозрительно посмотрел на меня и спросил, словно прочтя мои мысли:

— А опыт есть? На чём?

Услышав марку, презрительно фыркнул:

— На таком только девок вокруг бани катать.

Из трёх сетей мы извлекли с десяток крупных рыб: муксун, чир, пелядь. Сети были китайские, браконьерские; у меня все руки оковенели, пока я выпутывал жабры из их цепких капроновых петель. Николай не цацкался и выдёргивал рыб, уродуя им головы.

На обратном пути он поставил несколько капканов. Потом всё же уступил мне место за рулём.

По прямой ехать было несложно, только газу поддавай. Трудней поворачивать, объезжая наледи. Машина была большая и тяжёлая, приходилось приподниматься с сиденья и, сохраняя равновесие, изо всех сил тянуть руль то вправо, то влево. Представляю, что было бы, если б я перевернул снегоход!

Перед тем как въехать с реки на обрывистый берег, Мироныч не выдержал и заставил остановиться.

— Нервов не хватает для твоей езды.

Когда мы пересаживались, я заметил ошкурённый крест на берегу и спросил, кто там погребён.

— Да тоже экстремал один. Псих-одиночка. На байдарке думал до океана сплавиться. Да на пороге перевернулся. Еле выбрался, без жратвы, без снаряжения. Почти как ты. Я его на ноги поставил, а он бежать надумал. Насилу нашёл. Да поздно, окошел уже.

Я хотел ещё что-то спросить, но он дал газу, оборвав наш диалог на самом интересном.

Вечером Марго резала рыбу и, искоса поглядывая на меня, бросала куски в закипающую воду. Закончив, она пальцами, как мы снимаем мыльную пену с ладоней, убрала над котлом с рук рыбью кровь и икру со слизию. Странно, но меня это не покорило. И когда через три минуты мне налили в миску уху, я принялся уплетать её за обе щёки. А в голове моей между тем зрел коварный план.

На следующий день, когда Николай собрался проверять капканы, я сказался больным.

— Дохлый какой-то, — буркнул он и принёс мне очередную стопку исписанных тетрадей. — Читай, коль работать не хочешь. Только внимательно. У меня тут лишнего нет. Каждое слово по существу. Приеду — обсудим.

Я не стал спорить, лишь бы он поскорей уехал.

Когда Марго присела покормить грудью ребёнка, я устроился у неё за спиной и стал гладить её скользкие волосы.

— Чё, уже поправился?

— Ага, — вдохнул я запах её тела и провёл языком по шее.

— Жук московский, — сказала она.

Но я-то видел, что ей нравится. В конце концов она не выдержала, положила ребёнка в люльку, подошла ко мне и потрогала пальцами у меня промеж ног. Убедившись, что всё нормально, выскользнула из шерстяного платя и деловито улеглась на мою постель.

— Какие у тебя чёрные соски! — сказал я.

— А тебе надо розовые?

— Мне надо такие, как у тебя.

— На.

Уткнувшись ей в подмышку, я ещё подумал: зачем другие женщины выбривают их? У Риты они выглядели куда соблазнительней.

Совсем некстати заплакал ребёнок. Ухватившись ручонками за край своей люльки, малышка тарасила на нас угольные глазки.

Марго вскочила, взяла её на руки и перенесла к нам в постель, будто это обычное дело. Я думал, что присутствие ребёнка будет смущать, но ничуть. Мы были как одна семья, и оттого чувство близости только усиливалось. Девочка перестала хныкать и с интересом наблюдала, чем это мы занимаемся. А я не ограничивал своих фантазий, будто стараясь удивить обоих. Когда мы затихли, она заснула между нашими горячими телами.

Мне казалось, я превзошёл самого себя и всё ждал от Марго чего то типа: «Как мне хорошо с тобой», — или: «Как я теперь буду жить-то без тебя?» — ну, что-нибудь из того, что говорят в такие моменты русские девушки. Но она хранила обидную для меня непроницаемость.

Потом легко поднялась и взяла ребёнка.

— Не спеши, — попросил я.

— Скоро приедет.

— И?

— Убьёт. Не веришь?

— Я похож на муравья?

Она усмехнулась:

— Муравью бы не дала.

— Тогда чего боишься? Иди ко мне, я снова готов.

Она увернулась и начала одеваться.

— Он хитрый. Мне даже кажется, сидит сейчас под окном и подглядывает.

Я посмотрел в окно. Удивительно, но мне показалось то же самое.

— Он мент?

— Был.

— А как сюда попал?

— Обидели.

— А как вы сошлись? У вас же разница такая.

— Так и сошлись. Наших-то парней вообще не осталось. Кто спился, кого убили, кто уехал. Что мне, до смерти в девках ходить? Приехал к моей матери, поговорили. Деньги есть. А что ещё? Они с бабкой и рады. Вначале мы в посёлке жили. Но он с людьми совсем не ладит, ссорится со всеми, чуть что — за ружьё. Нервный сильно. А здесь охотник жил. Из староверов. Дети разъехались, жена умерла, сам еле ноги носил. В поселковой больнице доживал. Зачем ему дом? Нам отдал. Подладили, третий год уже живём.

— Не скучно?

— Мне нет, я так привыкла. И ему никто не мешает; пишет всё.

«Книгу! — вспомнил я. — Приедет, спрашивать будет». И я принялся за тетрадки. Поначалу с интересом, но потом всё быстрее и быстрее.

Если в основу сюжета легла биография автора, то можно себе представить последние годы его служебной карьеры, рухнувшей со сменой начальства. Законы служебного роста, которые он хорошо освоил: услужливость, подношения, откаты, особые поручения неслужебного характера, фабрикация дел, фальшивые отчёты, — всё это перестало у него срабатывать после кадровых перестановок. У нового шефа были свои вертухаи, и в услугах Квасцова он не нуждался. Напротив, тот стал мешать ему. Договориться не получилось, пришлось прибегнуть к жёстким мерам. А зацепиться было за что.

Старый покровитель, уйдя на повышение, чувствовал себя не очень-то уверенно в новом окружении и быстро забыл про обещание перевести к себе покорного слугу. А ввязываться за него в разборках счёл себе дорожке. Кому нужны неудачники? То, что Квасцова в конце концов пожалели и дали условный срок, бывший шеф объяснил своей заслугой, хотя и пальцем не пошевелил. Зато намекнул, что они в расчёте, и заблокировал на своём мобильном номер абонента «Коля Квас».

Судя по тому, насколько повесть смахивала на автобиографичную, прототип героя нашёл-таки способ рассчитаться с обидчиками: книга,

на которую он уже положил не один год жизни, по фактуре своей должна была стать их приговором. Конечно, если увидит свет.

Ошибок в тексте было немало, я принялся исправлять их карандашом прямо в рукописи. А на полях писал убористым почерком замечания по стилистике и в менторской манере давал рекомендации по раскрытию характеров героев, по заполнению их диалогов.

Объективность некоторых фактов и событий повести вызвала сомнение, но я лишь отмечал такие абзацы вопросительными знаками, оставляя их на совести автора.

За ужином у нас состоялось заседание литературного клуба. Я не скупился на похвалы. Но Николай выслушал их без особого энтузиазма.

— Спасибо, конечно. Ваша оценка, если она не лезть, придаёт уверенности. Но мне нужен критический анализ искушённого читателя, поскольку автор не может быть достаточно объективным.

— Простите, я не критик.

— Вы хоть и журналист, но, как я вижу, человек вполне адекватный.

— «Спасибо, конечно. Ваша оценка, если она не лезть...»

— Не паясничайте! Я не петушка, а вы не...

— Кукух! — подсказал я.

— Именно.

— А сами вы видите у себя слабые места?

— Некоторые авторские пояснения снижают напряжённость и размывают общую палитру.

— Занудны, согласен. Не надо пустословить.

— Да знаю. Некоторые главы я уже переписывал по несколько раз.

— Толстой пять раз «Войну и мир» переписывал. — Я не глыба, не вечен, — грустно заметил он.

— Что у вас, рак?

— Тьфу-тьфу.

— Вам компьютер нужен. Сэкономите кучу времени при редактировании. Можем вместе съездить, я помогу выбрать.

— У вас одно на уме — лишь бы удрать. Скажите лучше, как вам вторая глава, где про командировку Квасцова в район?

— Не отложилось.

— Как? Там же всё пронизано тонкой иронией!

— Видимо, настолько тонкой, что я и не заметил.

— Ну как же так? — не на шутку расстроился писатель.

— Да к чему такие потуги? Не дамский же детектив пишете, а экшн. Или я опять чего не понял?

Мируныч загрустил. Мне даже стало жаль его. — Хорошо. Я перечитаю повнимательней. Только сами же говорите, времени мало.

— Это у меня. У вас его предостаточно. И без компьютера обойдёмся. Лучше я дам вам ручку и бумагу, а вы обновите текст с учётом ваших замечаний.

— Лучше для кого?! — задохнулся я от возмущения.



— Я возьму вас в соавторы.  
— Увольте! Чтоб меня потом привлекли за клевету или подстрелили ваши бывшие дружки-оборотни? Да у меня дома своих дел по горло! Когда вы меня отпустите?  
— Я готов дать вам письменную гарантию о том, что доставлю вас до ближайшего кордона, когда работа будет закончена.  
— На это уйдёт не один месяц!  
— Сейчас ноябрь, а река вскрыется в мае. Посчитайте, что быстрее. Поскольку катер загубили, не факт, что по нынешним временам МЧС или кто там выделяют средства на новый. Пешком по болотам вы не дойдёте, гнус заест, а отправитесь сейчас—волки скушают. Так что советую не терять время даром и поскорей приниматься за работу.  
— Я убью вас!— схватил я табуретку.  
— А дальше?  
— Или посажу за похищение человека! Как там у вас это называется?  
— Никак. Я ведь не держу вас,— спокойно указал он на дверь.— Могу даже предложить на посошок. Кстати, у меня есть замечательный первач, настоящий на пантах<sup>2</sup>.  
— Кстати—к чему?—насторожился я.  
— Не ловите на слове, это просто форма речи,— грустно улыбнулся он.

Ситуация сложилась патовая. Одна мысль о том, чтобы переписывать этот бред сумасшедшего, представлялось мне невыносимой. «Бежать, только бежать!»—стучало в моей голове, пока я ворочался в постели. Но как? И кто, кроме Марго, мог мне помочь?

Между тем отношения с ней закручивались настолько, что я уже не мог без неё и начинал скучать, даже когда она отлучалась проверить силки или ещё по каким-то своим делам. Влечение стало сильнее нас, мы уже не могли дожидаться, пока останемся одни, и порой удовлетворяли его прямо в чулане, в сарае, в дровянике и научились это делать так, чтобы только не отморозить жизненно важные органы.

Иногда это обижало её:  
— Что мы всё как животные?  
— Но ты же сама дитя природы.  
— И поэтому меня можно на куче дров трахать? Совсем не уважаешь.  
— А тебе что лучше—любовь или уважение?  
— А нельзя совместить?  
— У тебя это и так неплохо получается,—намекнул я на её отношения со мной и с Миронычем одновременно.

Конечно, когда он уезжал, мы позволяли себе расслабиться и насладиться друг другом в полной

мере. По жизни я не особенно разбрасывался признаниями в любви, но с ней эти слова просились сами собой. Возможно, потому, что, воспитанная в рамках неких условностей, она всегда была сдержанна, а мне так хотелось зажечь в ней безудержное пламя её диких предков.

— Давай убежим вместе?—как-то предложил я.  
— А Ньюра?  
— С нами, конечно.  
— И куда?  
— Ко мне, в Москву. Что молчишь?  
— Думаю. Что я буду там делать с ребёнком, когда ты нас выгонишь?  
— Ни-ко-гда! Потому что я люблю тебя, глупая.  
— Вот заладил,—сказала она и рассмеялась.  
— Ты чего?  
— От радости: представила лица твоих родителей, когда они увидят на пороге чукчу в парке, да ещё с довеском.  
— Да они спят и видят, когда я подарю им внуков!  
— Но такой кошмар им и во сне не привидится.  
— Кошмар они уже пережили, когда я чуть кони не кинул от кокса.  
— А, поняла.  
— Что ты поняла?  
— Чего так домой рвёшься. Тут ширнуться нечем?  
— Я сменил профиль. Теперь у меня другая зависимость. От тебя.

— Ничего, дома вылетат. Знаешь, я училась в школе-интернате в посёлке...

— О! Звучит гордо!  
— Заткнись! На все предметы у нас было всего три учителя. Зато каких! Один Вацлав Тадеушевич чего стоил!

— Кто?  
— Вацлав Тадеушевич. Потомок ссыльных поляков. А что? У нас там их целое кладбище. Так вот, на его уроки ходили как на праздник. Но временами, примерно раз в четверть, он исчезал куда-то на неделю. Никто не знал куда. А я догадалась, когда он рассказал нам про Миклухо-Маклая.

— Который жил у папуасов?  
— Да. И жил так долго, пока ему не начинали нравиться местные женщины. Тут он понимал, что пора, и сматывал удочки.  
— Я не Миклухо-Маклай. И ты не папуаска. Сама говоришь, у тебя папа русский.  
— Да, но он сбежал от мамы ещё до того, как я родилась.

Однажды во время нашего краткого свидания в сарае среди хлама я разглядел какие-то полозья.  
— Что это?

— Сама не знаю. Осталось от прежнего хозяина. Потратив немало времени, я всё же выгреб из кучи антиквариата некое транспортное средство, походившее на собачьи нарты.

2. Настойка пантов оленя повышает потенцию.

Отныне в свободное от редактирования будущего бестселлера время я занимался их ремонтом.

Хозяин только ухмылялся, глядя на мои труды:

— К побегу готовишься?

— Как получится.

— Да никак. С чего ты решил, что я отдам тебе своих собак? Хотя почему и нет? Будет кому потом притащить с полпути твой замёрзший труп. Можешь заранее выбрать место для последнего приюта.

— Я предпочитаю романы с хэппи-эндом.

— Мы же не в Америке. Русского читателя счастливый конец раздражает. Ему только того и надо, чтобы увидеть, как кому-то ещё хуже.

К концу декабря даже в полдень в южной части горизонта уже не оставалось и признаков просветления. Всё погрузилось во тьму. Хотя нельзя назвать её кромешной: даже в период новолуния, когда от спутника Земли оставался только узенький серпик, различались очертания гор на горизонте; на снегу, который, светился сам по себе, легко различались вытопанные нами тропы и собачьи следы. С наступлением настоящих морозов небо так вызвездило, что, замороженный бесконечностью, я мог подолгу стоять по колено в снегу, закинув вверх голову.

Не дожидаясь окончания полярной ночи, я начал осваивать езду на собаках. Три хаски впряглись и пошли сразу, будто всю жизнь этим занимались. А вот Тайга изрядно потрепала мне нервы. Свободолюбивое животное долго грызло постромки, чтобы высвободиться. Но моё упорство взяло вверх, и вскоре мы уже совершали приличные прогулки вниз по руслу реки и обратно, всё больше увеличивая амплитуду.

И вот, в очередной раз миновав уже знакомые места, в лунном свете я увидел идущую вдоль самого берега вереницу когтистых следов. Только тут понял беспокойство Тайги, которая дёргалась то вправо, то влево, нарушая обычный стройный бег. Когда я вырулил прямо к следам, она совсем озверела. Другие собаки, напротив, съёжились, прижали уши и замедлили ход

У излучины реки, на мелководье, стройная цепочка следов рассыпалась. Снег тут был изрядно вытопан. Я остановил нарты и с лопатой подошёл к эпицентру недавнего волчьего шабаша. Разгребая со льда снег, я ожидал увидеть вмёрзшую в лёд рыбину, которая привлекла хищников, но сильно ошибся. Посветив фонарём на лёд, я столкнулся взглядом с начальником, который, не мигая, строго смотрел на меня сквозь толщу льда. Немой крик вырывался из зияющего провала его рта. Я убежал бы, если бы не оцепенение, сковавшее меня от страха. Тело, видимо, зацепилось на мелководье за корни прибрежного кустарника да так и вмёрзло в лёд во время ранних морозов. Руки его, торчавшие

из-под льда, были до локтей отгрызены волками. Но до туловища и головы они не успели добраться. Придя в себя, я первым делом перекрестился. Потом перекрестил покойника. В свете фонаря что-то блеснуло золотом. Я вытянул за браслет из-под снега часы TAG, которые оказались не по зубам волкам. Стрелки на циферблате показывали точное московское время.

На следующий день, когда мы приехали на это место с Миронычем и его «Макитой», выпилить было уже нечего. За ночь волки прогрызли лёд и полностью сожрали тело несчастного.

— Зато хоронить не надо,— сказал Мироныч и, встретив мой неодобрительный взгляд, добавил:— А как в мерзлоте могилу копать? Не в сарае же до лета хранить? Ритка бы не позволила. По их поверью, мертвец злых духов приманивает.

— Ты откуда знаешь?

— Знаю. Хватит тут ковыряться, поехали. Происшествие это на время охладило мою решимость. Хотя с помощью Марго к тому времени я уже изучил маршрут.

По её словам, от первого кордона нас отделяло примерно четыреста километров. Дней пять-шесть на собаках. Уегеря есть рация, и он может вызвать вертолёт. Правда, на кордоне он появляется наездами, и то с приходом солнца. Без него придётся почти столько же добираться до следующего кордона. Не факт, что и там кто-то будет. Увезти провизии для себя и собак на такое длительное путешествие было проблематично, но в зимниках хозяева обычно оставляют нз. Куда больше меня беспокоило, выдержу ли я полмесяца открытых ночёвок при морозе за сорок. А потому оставалось одно— править опусы Мироныча и надеяться на его слово.

В силу своей профессии я знал, что работа на заказ не всегда вдохновляет. Но корпеть в наказание над его творением стало совсем невыносимо. Как-то я не выдержал и спросил с раздражением:

— Скажите, а зачем вам это?

— В смысле?

— Залог успеха любого труда— конкретная цель. Разве не так? Что молчите?

— Я просто пытаюсь понять, какую цель преследовал Пушкин, когда писал:

Буря мглою небо кроет,  
Вихри снежные крутя;  
То, как зверь, она завоет,  
То заплачет, как дитя.

— В том числе и меркантильную. У него одних карточных долгов было не счесть. Кроме того, содержание такой красавицы, как Наталья Николаевна, требовало немалых средств.

— Согласен, не мой случай,— ухмыльнулся он.— А скажите, любезный, из каких таких меркантильных побуждений заливаешься соловей?

— Самку приманивает. А вот ваших побуждений я не понимаю. Ежели жажда мести — так напишите жалобу прокурору.

— Вам ли не знать, чем такие петиции заканчиваются? Да и не в этом только дело. Я хочу, чтобы люди знали правду.

— О-о! Но люди и без вас всё знают. А ежели вы хотите публичности, так для этого есть куда более эффективные средства. Сколько, думаете, человек прочтут вашу книгу, если даже вы её напечатаете? За свой счёт, естественно. Не знаете? Ну так я скажу: от силы человек десять. Вы знаете, кто такие блогеры?

— Примерно.

— Так вот, наиболее удачливые из них имеют по миллиону подписчиков. Представляете? Это десять стадионов «Лужники»! Вы можете публиковать свои вирши на «Фэйсбуке», «вконтакте», в «Инстаграме». Можете сайт свой зарегистрировать. Публикуйтесь там и поймёте, чего стоите. Вот кто ловит последние веяния времени и чувствует настроения общества.

— Подстраиваться и изгаляться на потребу дебильным молокососам?

— Найдите себе сообщество по интересам.

— Возможно, я ретроград, но на бумаге мне кажется надёжней. Что написано пером, не вырубишь и топором.

— Тогда уж высекайте на мраморе — для вечности.

— На надгробье — имеете в виду?

— Да вы, батенька, садомазохист! Ваши извращённые фантазии сбудутся, когда какой-нибудь критик прочтает ваш роман. И не только высечет, но и вы\*\*ет. На надгробье.

— Вам лишь бы словами поиграть. Сразу видно — филфак!

— Журфак, — поправил я.

— Всё от слова «фак»!

— Что вы имеете этим сказать?

— А разве нет? «Журналист» стало синонимом слова «проститутка». На мать родную памфлет настроит ради денег.

— И это говорит человек, который ради денег и карьеры фабриковал уголовные дела? Сажал невинных за решётку? Обкладывал данью, шантажировал и запугивал честных предпринимателей?

— Да где вы видели честных предпринимателей?

— Поищите лучше честных ментов!

— Ну, хватит!

— Видит Бог, не я начал.

— На чём мы остановились?

— На надгробной плите.

— На том, что все эти ваши «фэйсбуки», «инстаграммы», прости, Господи, — суета сует, противная служенью муз.

— Не суета, а скорость мышления. Что, собственно, и есть ум.

— А я думал, ум — это умение логически мыслить, сопоставлять данные из багажа знаний, у кого он есть, конечно.

— Да бросьте! В компьютерную эпоху, когда все варианты мгновенно просчитываются, то, о чём вы говорите, — анахронизм.

— И чувства тоже?

— А то я понять не мог, зачем вам все эти мелизмы. Так вы ещё и удовольствие получаете от процесса?

Тут вошла Рита, и мы замолчали. Когда снова остались одни, я продолжил:

— Знаете, есть такой рассказ. В стране гражданская война громыхает, а мужик один в сарае заперся и над чем-то корпит дни и ночи. С таким же, как у вас, упорством. Только он не роман писал, а вечный двигатель мастерил. А в деревню ту приехал израненный комиссар. Оказалось, друзья детства. Встретились и заспорили: кто из них с большей пользой жизнь прожил? Что скажете?

— Насчёт пользы ещё можно поспорить, но кто из них причинил всем меньше зла, я могу точно сказать.

— Меньше зла всем причиняет покойник.

И вот как-то, шелестя бумагами, которыми он меня завалил, я обнаружил папку с листами, написанными совсем другим почерком. Их было с полсотни, и по содержанию они органично вписывались в повесть, составляя две её, пожалуй, лучшие главы. Сюжетная линия была сохранена, но стилистика стала безукоризненной, язык живой, и ошибки в тексте отсутствовали.

Мне сразу вспомнился крест на берегу. И я спросил Марго, кто под ним лежит.

— Никто, — ответила она, стирая пелёнки в корыте.

— А кто писал вот это? — потряс я папкой.

— Серёжа.

— Какой ещё Серёжа? Где он?

— Ушёл.

— Куда?

— Туда, — неопределённо махнула она мыльной рукой.

— А что тогда под крестом?

— То, что от него осталось: пара косточек, очки, ботинок да куски одежды. Мы всё закопали и поставили сверху крест. Чтобы по-христиански, как Коля сказал.

— Христиане, ити вашу...! И ты туда же?

— Не знаю. Правда, когда я училась, в интернат приезжал поп и всех нас окрестил. Но я не заметила, чтобы это как-то повлияло на мою жизнь. Ты сам-то веришь в Бога?

— А кому ещё?

— Если некому, то как жить?

— Живут же как-то. Многие.

— Ну да, зачем верить, когда всё хорошо?

— Мы о чём говорим, о вере или доверии?

— Какая разница?  
— Ну, вот я тебе верю. А ты мне?  
— Конечно, нет.  
— Почему же? — обиделся я. — Потому что москвич?  
— Сама не знаю.

Новость про загадочного Серёжу, а главное, про то, что от него осталось, только подхлестнула меня: я снова загорелся бежать. И поделился своим планом с Ритой.

— Миклухо ты Маклай, — сказала она.  
— Пойми, у меня в Москве неотложные дела. А потом я обязательно приеду за тобой.  
Она покачала головой.

— Себе не ври. Даже если выберешься, я тебя больше не увижу, — грустно сказала она. — Если я для тебя что-то значу, давай убежим втроём, с Ньюрой.

— Рисковать вами? Я того не стою.

Терпение моё иссякло быстрее, чем она надеялась. Вечная тьма, однообразие, дебильные тексты, над которыми я корпел, и сама безысходность окончательно вогнали бы меня в глубокую депрессию, если бы не Марго.

Но если меня поддерживали чувства к ней, то Мироныч всё больше уповал даже не на творческое вдохновение, а на самогон, запасы которого он своевременно пополнял. Я даже почувствовал некие угрызения совести за то, что внёс сомнения в его писательские надежды. А пить он стал по-чёрному, до литра за вечер. И тогда становился совершенно невыносим. Если вначале я пытался проследить логику в его многословии, как-то возражать, высказывать мнение, то скоро убедился, что оно совершенно его не интересует. С таким же успехом, думал я, он мог бы проводить подобные литературные вечера перед своим отражением в зеркале. Но нет. Ему нужен был живой слушатель, чтобы мучать и изводить его своими разглагольствованиями и желчной критикой вся и всех, начиная от чиновников и до народа в целом. Иногда в порыве ярости он выскакивал во двор и бегал в лунном свете вокруг дома, стреляя из карабина то в белочек, то в масонов и жидов. В таких случаях я на всякий случай тоже снимал со стены ружьё: вдруг и до москвичей доберётся? А кроме того, что-то подсказывало, что он догадывается про нашу связь с Марго. Ведь раньше, по её словам, он так не пил.

Что при этом творилось в душе Марго, невозможно было определить за стабильной невозмутимостью и непроницаемостью её чёрных глаз. Одно могу сказать: она его не боялась. Скорей наоборот. Чтобы утихомирить его, ей достаточно было строго посмотреть в его водянистые воспалённые глаза и сказать:

— Ну хватит. Иди спать.

И он слушался.

Я как-то подумал, что если и впрямь уведу от него Марго, то бесчисленная армада писателей потеряет ещё одного своего неизвестного солдата. Солнце ещё только подбиралось снизу к горизонту, а небо с юга на час-два начало сначала сереть, потом голубеть и розоветь.

В день, когда оно налилось малиновым, словно металл в мартене, цветом, я твёрдо решил: пора! И начал приготовления.

Мироныч, казалось, того и ждал. Взял да и запер собак в сарае, объясняя это тем, что наступил сезон волчьих свадеб и собаки, особенно Тайга, могут убежать.

В день, когда выглянуло солнце, все мы возились во дворе. Мироныч возил в корыте снегохода чурки, которые напил на островке реликтового леса, в километре от дома; я колот их, а Марго укладывала в дровяник. Защитники природы пришли бы в ужас, увидев, как мы расправляемся с тысячелетними деревьями.

Первобытная радость охватила нас, когда помехи диск показался на горизонте, осветив долину реки не лунным, как обычно, светом, а настоящим, живым!

Хмельной с утра Мироныч принялся палить из ружья в воздух и кричать:

— Ур-ра-а!

— Что, война кончилась? — спросил я.

Он плеснул мне в крышку от фляжки самогона и заставил выпить.

— За победу! Жизни над смертью!

Потом схватил нас с Ритой за руки и запрыгал, увлекая нас в хоровод. Шестидесятиградусный самогон так туркнул мне в голову, что я и сам загорланил невесть из каких глубин всплывшую в памяти песню:

В Якутию я ехал через Невель,  
Стремился я попасть на дальний Север,  
Где горы высоки, где шахты, рудники,  
Где людям платят длинные рубли.  
С восхода до захода солнца в парках  
Резвятся и ликуют цыгальarki,  
В единый круг встают,  
Ногами в землю бьют  
И что-то диким голосом поют.

Этот день нельзя было не отметить. Началось застолье вполне прилично. Я сам виноват, что полез в бутылку.

— Мироныч, за что ты москвичей не любишь?

— А кто их любит?

— Ты всегда вопросом на вопрос отвечаешь? Это симптом.

— Сам такой. Вы блага незаслуженные воспринимаете как личное достижение и кичитесь этим, смотрите на остальной народ как на быдло... — понесло его.

Отмечали, пока Мироныч не отрубился.

Я выпил не так много, но этого хватило, чтобы решиться бежать. Зная, что решимость моя за ночь может иссякнуть вместе с промилле алкоголя, я выпустил собак из сарая и принялся укладывать в нарты заранее упакованные мешки.

— С ума сошёл! — воскликнула Марго, застав меня за приготовлениями. — Он тебя догонит в два счёта, когда проснётся.

— И что? — поправил я ружьё на плече. — Я свободный человек и ничем ему не обязан.

— Ты не доедешь. Замёрзнешь. Начинаются морозы, каких ты и не видел. Да и у волков голодная пора.

— Пусть. Поставишь второй крест.

— Неужели я так тебе надоела?

— Ты единственное, что мне жаль здесь оставлять.

— Тем более. Смотри, духи накажут.

— Шаманочка ты моя! — хотел я её обнять, но она оттолкнула меня, отвернулась, пряча слёзы, и пошла к дому.

— Я приеду за тобой! — крикнул я, поперхнувшись комом в горле.

— Ага, на белом коне...

подавив в себе слабость, я решительно направился к собакам, которые лаяли и рвались в путь. Никаких специальных команд я не знал и потому просто закричал им:

— Хэй-хэй! — размахивая длинным прутом.

И карт у меня не было. Маршрут я записал со слов Марго: «Ехать по руслу реки и считать слияния с другими речками. Их должно быть четыре, по две с каждой стороны. Поскольку путь идёт вверх по течению, то русло будет сужаться. На снежных переметах есть опасность потерять берега и углубиться в тундру. Навсегда. Но после впадения нашей речки в большую реку будет легче. Там нужно снова внимательно отсчитывать слияния с малыми реками. Потому что в устье пятой из них, метрах в двухстах от берега, и должен быть первый кордон. Ночью его не видно, можно заплутать. Лучше дожидаться дня. Всего до него около четырёхсот с гаком вёрст, петляющими руслами. По прямой раза в три короче, но лучше не срезать, чтобы не заплутать. Если повезёт, встречу дядю Васю. Если его не будет, там можно передохнуть, одолжиться сухарями, консервами и отправиться дальше. Ещё почти триста километров по реке — до ржавого водомётного катера на берегу. Там кордон Михал Степановича, он обычно в нём зимует. И зимник до посёлка. Если не переметёт. Поэтому лучше дожидаться вездехода».

Собаки мои бежали бодро. Стоя на задниках полозьев, я лишь изредка на них покрикивал. Хмель мой скоро выветрился, и я уже начал жалеть о своей аванюре. Но деваться было некуда, только вперёд. Небо, как назло, затянуло: ни луны, ни звёзд, словно в бассейне с чёрными чернилами. Скоро собаки стали. По моим прикидкам,

мы проехали не более пятнадцати километров. Обидно было так рано устраиваться на ночлег, но другого выхода не было. На ощупь наломав с берега пару охапок ивовых прутьев, с помощью бензина я развёл маленький костёр. Уткнувшись вокруг него мордами в снег, собаки мои задремали. Я натянул на себя всё, что было, но становилось всё холодней. Зато потянувший хиус очистил небо. Вызвездило как никогда, до последней звёздочки. Я тогда впервые увидел трёхмерность звёздного пространства и чётко различал, какие звёзды ближе, а какие совсем далеко. «Надо же, — думал я, — большинство из них давно погасли или рассыпались в прах, а свет их всё ещё радует и зачаровывает. А вот я после себя никакого света и вообще ничего путного не оставлю, и через три месяца после смерти мало кто меня вспомнит...»

В небе временами появлялись небольшие зеленоватые всполохи, которые я вначале принял за галлюцинации и протёр глаза. Они не исчезли, а значит, были отблесками далёкого северного сияния.

Заворожённый таким зрелищем, вскоре я перестал мёрзнуть и понял, что впадаю в анабиоз. Потребовалось колоссальное усилие, чтобы преодолеть его и подняться. Поскольку звёздное небо достаточно освещало путь, мы двинулись дальше.

Часа через три я заметил, что прыти у моих собак снова поубавилось. Пришлось кормить. В двенадцатом часу начало светать, и вскоре на несколько минут показалось холодное и не очень-то радостное солнце. Нестерпимо захотелось спать. Сыпанув в рот из банки порошка растворимого кофе, чтобы не терять световое время, я продолжил гнать собак, вглядываясь в берега. Не дай Бог было пропустить слияние с первой речкой и сбиться со счёта!

К сумеркам, когда я увидел стрелку, собаки мои еле тащили нарты. А сам я изо всех сил таращил глаза, чтобы они не слиплись. Двигаться дальше нельзя было и по той причине, что небо опять затянуло. Привал был неизбежен. В общей сложности, по моим подсчётам, мы преодолели за полтора дня около девяноста километров. Появилась надежда, что сил хватит и на оставшиеся. Если погода позволит.

В месте слияния рек из-под снега кое-где торчали прибитые течением ветки и даже обточенные галькой стволы деревьев. Поработав топором, я сделал приличный запас для костра и поужинал горячим сладким чаем с вяленным мясом и сухарями. Даже настроение поднялось. Я снял постромки с собак, чтобы они сделали свои дела и лучше отдохнули. Костёр бодренько потрескивал, стреляя искрами, а у собак были такие умильные морды, будто они давно мечтали о такой жизни.

В какой-то момент я заметил, как встали торчком уши у Тайги. Потом она подняла морду и резко встала. Когда она насторожённо зарычала,

зашевелились и хаски. Я ничего не слышал, но, доверяя собакам, почуял неладное и щёлкнул предохранителем на ружье. Думал, это волки, но вскоре увидел свет одинокой фары и услышал шум снегохода. Конечно же, это был Мироныч. — Что же ты, не попрощавшись? Не по-нашему как-то.

От него и на расстоянии разило перегаром. — Да вот, не хотел будить. — Ну, я тоже тебя будить не буду, отдыхай. Только собак забери. Барахло, так и быть, дарю. — Мироныч, я тебе всё верну. Слово даю. — Оптимист, однако,— сказал Мироныч, грея руки у моего костра. — Завтра по всем признакам под полтинник ударит. Таким костёрчиком не согреешься. Без тебя я проживу, а вот без собак мне трудно будет.

— Это всё равно что убийство, Мироныч, на большой дороге.

— Какое же это убийство? Я тебя не гнал со двора.

Накинув петлю на шею хаски, он потащил её, чтобы привязать к корыту, которое служило прицепом к снегоходу.

— Отпусти собаку! — шагнул я к нему, но он схватил заранее приготовленный карабин.

Выстрелить в него мне не хватило духу.

В этот момент на него молнией бросилась Тайга. Он выстрелил, и она упала в снег. Обычно молчаливые, хаски, осознав серьёзность момента, залаяли на него. Двумя выстрелами он положил обоих. Потом молча оседлал снегоход и был таков.

Я бросился к собакам. Хаски были мертвы. Тайге он насквозь прострелил мякоть бедра. Отойдя от шока, она поднялась и сделала несколько шагов на трёх лапах. Я поцеловал её в нос и почувствовал, что её трясёт так же, как и меня.

«Вот и всё», — подумал я. Умирать не очень-то хотелось. Ясно, Мироныч сделал это в припадке белой горячки. Оставалось надеяться, что, когда очухается, вернётся за мной. Если по-христиански. Надо только дожидаться, выжить. Для этого нужны дрова, много дров. Я взял топор и отправился туда, где при свете видел торчавшее бревно. Тайга, видимо, испугавшись, что я её покину, заковыляла за мной на трёх лапах, оставляя кровавые капли на снегу. Пришлось прежде обработать водкой её рану, залепить дыру тампоном и обмотать пластырем. Она вздрагивала от боли, скалилась и рычала, но терпела, доверившись мне. Так мы просидели до утра. Весь световой день я таскал и таскал дрова, пока не собрал вокруг всё, что можно было. Мороз и впрямь крепчал. Чтобы согреться, я крутился у костра то передом, то задом, да так неосторожно, что прожёт сзади пуховик. Хорошо,

что он оказался синтетическим, а не из пуха, как было написано. А то истлел бы дотла.

Под утро Тайга снова зарычала и вскочила. Загривок её воинственно поднялся. Я понял, что едут за нами. На этот раз снегоходом управляла Марго. Я так закоченел, что встать не было сил.

— Ты?  
— Мы,— ответила она, расстегнув пуговицу на парке, под которой показалось розовое Ньюкино личико с соской во рту.— Садись, поехали.

— Куда?  
— В Москву. Куда ещё?

— Втроём?  
— Впятером, однако.

— А, ну да,— посмотрел я на Тайгу.— И Мироныча, что ли, с тобой? — посмотрел я в прицепленную волокушу.

— Андреича,— сказала она, погладив себя по животу.

— Шутишь?!  
— И не надейся.

— Ну ты даёшь!  
— Только тебе.

— А как с топливом?

Она показала на волокушу, полную пластиковых канистр с бензином.

— Значит, врал, что бензина мало?  
— Я тебе сказала: время не пришло.

— То есть нужно было дожидаться, пока я тут замёрзну?

— Ну вот, мы уже начали ругаться. Может, мне вернуться?

Я улыбнулся и обнял её:  
— Не пущу. Никуда.

— Потихе, Ньюрку раздавишь.  
— Я люблю тебя.

— Значит, ещё не всё отморозил. На-ко вот, надень поверху,— протянула она тулуп, который мне удалось напялить только с её помощью.

Застелив Тайге место в корыте, Рита закрепила её верёвками, чтобы не вытряхнуть по дороге, потом замотала мне лицо шарфом и помогла взобраться на заднее сиденье.

— Дюша, а в Москве Мавзолей работает?  
— Не знаю.

— А ты был там?  
— Нет.

— Вместе сходим.  
— Зачем?

— А что там ещё делать, в твоей Москве? Держись крепче, а то потерю ненароком! — крикнула она, и мы помчались.

«Навстречу новой жизни», — как непременно написал бы Мироныч. И выдумывать ничего не надо.